

**УКРАИНА И БЕЛОРУССИЯ
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

© 2013 г.

Л.Е. Горизонтов

Профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор исторических наук

Аннотация: Сравнительное изучение путей развития Украины и Белоруссии может внести существенный вклад в осмысление закономерностей истории восточной части Европы, в частности, анализ альтернатив нациестроительства. Украинско-белорусские параллели необходимо рассматривать в региональном контексте, с учетом влияния различных факторов. Плодотворен также компаративистский подход к исследованию прошлого и современного состояния исторической науки двух соседних стран.

Summary: A comparative study of the course of development of Ukraine and Belorussia can contribute greatly to understanding the regularities of historical evolution of the Eastern part of Europe, in particular to analyzing the alternatives of nation-building. It's necessary to consider Ukrainian-Belorussian parallels in the regional context, taking into account the influence of various factors. Comparative approach is also fruitful in researching the past and present state of historical science of the two neighboring countries.

Ключевые слова: Украина, Белоруссия, Россия, Польша, нациестроительство, регионы, историческая наука, компаративистика.

Key words: Ukraine, Belorussia, Russia, Poland, nation-building, regions, historiography, comparative studies.

Украинско-белорусские взаимоотношения исследовались значительно меньше, чем связи между многими другими парами соседей на востоке Европы. Гораздо больше написано об украинско-польских и белорусско-польских сюжетах, не говоря уже о сюжетах русско-польских. В последнее годы возросло внимание к русско-украинским темам, с явным отставанием, но все же изучается русско-белорусская проблематика.

Еще в дореволюционный период белорусский компонент общерусского триединства оценивался по-особому: если великорусское и малорусское начала взаимно дополняли друг друга, то в коллективном образе белорусов

акцент делался на кризисном состоянии этого этноса. В польской оптике белорусы зачастую растворялись в массе литвинов или русинов.

Немаловажно и то, что в украинско-белорусском случае взаимные влияния не были определяющими. Необходимы тонкие инструменты для анализа контактов близкородственных народов, имеющих обширное этнокультурное пограничье и инациональную или в значительной степени ассимилированную элиту, долгое время лишенных «собственной» государственности и, как следствие, испытывающих дефицит исторической субъектности.

Анализ взаимодействия стран и народов органически связан с их сравнением. Общие черты взаимодействующих объектов могут быть результатом влияния, а не проявления закономерностей развития. Сопоставительное изучение прошлого Украины и Белоруссии принадлежит, на наш взгляд, к перспективным направлениям научного поиска. Показательно, что украинско-белорусские параллели фиксируются и в исторических источниках.

Условием корректного сопоставления является не только выбор пригодных для этой процедуры объектов, но и основательное знакомство с каждым из них. Между тем редки специалисты, в равной степени владеющие как украинским, так и белорусским материалом. Обычно сюжеты украинской и белорусской истории «встречаются» в коллективных работах, далеко не всегда компаративистски ориентированных¹.

Залогом успеха сравнительно-исторических исследований служит также применение в них системного и междисциплинарного подходов. Несомненно, восточнославянские этносы образовывали, и не только в самом отдаленном прошлом, достаточно устойчивую, при всей своей открытости влияниям извне, систему. Не стоит, однако, переоценивать ни масштабов западнорусского культурного воздействия на великороссов в XVII–XVIII вв., ни степени близости различных отраслей восточного славянства в XIX в. Предметом рассмотрения должно стать формирование русской (в современном понимании этого слова) нации, которое ошибочно связывать исключительно с неудачей проекта, нацеленного на упрочение общерусского триединства.

Особенно продуктивно обратиться к представлениям о России и русских в узком смысле, многочисленным свидетельствам дифференцированной языковой идентификации восточных славян, стереотипам их взаимного восприятия². В развитии имагологических исследований вновь сказывается отмеченная выше расстановка исследовательских приоритетов: рост интереса к русско-польской имагологии стимулировал использование ее подходов применительно к русско-украинской проблематике³. Важно расширять источниковую базу имагологических исследований, в том числе для реконструкции представлений, бытовавших в народной среде, и отслеживания исторической преемственности стереотипов. Так, анализ постсо-

¹ Україна – Білорусь: політичні, економічні та культурні аспекти взаємин. Чернівці; Вільнюс, 2007.

² Горизонтов Л.Е. Познавая Российскую империю: Ментальные карты просто-народья и образованного общества во второй трети XIX в. // Родина. 2013. № 12. С. 54–57.

³ Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012.

ветских белорусских учебников по истории показал, что из всех соседей Белоруссии в наименьшей степени подвержен изменениям именно образ Украины⁴.

В конечном счете не состоялся и ни один из вариантов попарной консолидации восточнославянских народов. Полтора века назад предмет научных споров сделался вопрос о существовании западнорусской общности. Длительное нахождение в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой привело к формированию общих черт у восточнославянских подданных этих государств при одновременном нарастании их отличий от населения Московской Руси. Государственная граница очень долго делила две Руси. Однако в отзыве 1864 г. украинофила Н. Костомарова о лекциях западноруса М. Кояловича термин «западно-русский народ» был подвергнут решительной критике. Костомаров выступил против того, что Коялович «причисляет малороссийское и белорусское племя к особой группе западнорусского народа, в отличие от великорусского». Рецензент настаивал на большей близости великороссов и белорусов, нежели белорусов и малороссов⁵.

Общеизвестным является опережающее развитие этнополитических процессов у украинцев по сравнению с белорусами. Оно наблюдалось в Речи Посполитой в XVII в. и в Российской империи в XIX в., а позднее неоднократно обнаруживалось в ходе строительства украинской и белорусской государственности. Вместе с тем в орбиту формирующегося украинского этноса основная масса населения белорусских земель вовлечена не была. Если казачество, сыгравшее большую роль в этнической консолидации украинцев, развернуло борьбу за свои права, принадлежа Польшкой короне, то для белорусов важное значение сохраняла традиция Великого княжества Литовского. После Люблинской унии историческая Литва во многих отношениях оставалась не меньшей реальностью, чем Литва этническая. Польско-литовский дуализм просуществовал до падения Речи Посполитой и надолго ее пережил.

Имевшие место альтернативы нациестроительства нельзя глубоко осмыслить, игнорируя исторический путь белорусов, размежевание их не только с поляками и русскими, но также с украинцами. Понимание этого продемонстрировал в своем манифесте начала XX в. «Звичайна схема «руської» історії й справа раціонального укладу історії Східного Слов'янства» М. Грушевский, которому позднее в качестве главы Центральной рады пришлось столкнуться с данной проблемой в плоскости реальной политики.

Оба подхода – украинско-белорусские соотнесения и учет всего восточнославянского контекста, легли в основу научной стратегии образованного в 1999 г. отдела восточного славянства Института славяноведения РАН⁶ и

⁴ Сагановіч Г. Вобраз суседа ў беларускіх і ўкраінскіх падручніках па гісторыі (1990-я гады) // XIII Міжнародны з'езд славістаў (Любляна, 2003). Доклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2003. С. 380–382.

⁵ Костомаров Н.И. Русские инородцы. Исторические монографии и исследования. М., 1996. С. 404–406, 412.

⁶ Горизонтов Л.Е. Украинистика в постсоветской России: опыт отдела восточного славянства Института славяноведения РАН // Матеріали VI Міжнародного конгресу україністів. Історія. Політологія: Збірник наукових статей. Київ, 2007. Кн. 3. Ч. 1. С. 37–43.

выходящего с 2003 г. серийного издания «Белоруссия и Украина: история и культура».

Для осмысления многих исторических явлений одной восточнославянской системы координат недостаточно. Так, логику русско-украинских отношений XVII–XVIII вв. сложно понять, не принимая во внимание длительного влияния на малороссийских подданных царя шляхетской политической культуры. В акцентировании значимости для жителей оспариваемого русско-польского фронта «речьпосполитских» традиций видится основное рациональное зерно концепции Центрально-Восточной Европы, вызывающей в России, по меньшей мере, настороженный прием⁷.

Существование народов в едином государственном пространстве имеет следствием не только воздействие со стороны доминирующего этноса – как стихийное, так и поддерживаемое властным ресурсом. Делая межэтнические контакты более интенсивными, оно обнаруживает различия и запускает механизмы дифференциации. Оба отмеченных процесса обуславливают складывание многослойной идентичности, что, в свою очередь, вместе с разнообразными историческими традициями приводит к функционированию крайне сложной, запутанной и даже конфликтогенной этногеографической терминологии⁸.

Следовательно, предметом изучения должна становиться межэтническая коммуникация, масштаб которой рос благодаря массовым миграциям, в том числе вызванным военными действиями. Во время войны 1812 г. их ареной сделалась Белоруссия. Как при отступлении русской армии, так и в ходе преследования противника отчетливо дал о себе знать рубеж возле Смоленска⁹. Крымская война способствовала более близкому знакомству великороссов и малороссов, о чем можно узнать из воспоминаний участников ополчения 1855–1856 гг.¹⁰ В период Первой мировой войны опыт, полученный беженцами-белорусами, масса которых устремилась в глубь империи, стал значимым фактором в процессе формирования белорусского национального самосознания.

В пореформенные времена в Белоруссии не развернулось той борьбы, которую власти вели с украинофильством. В качестве противовеса польской угрозе они были готовы поддерживать местное белорусское начало в гораздо большей степени, чем малороссийское. «Белоруссии, – утверждал С.В. Максимов, изучавший ее в 1867–1868 гг. по заданию Русского географического общества, – чужды намеренные стремления обособляться,

⁷ Gorizontow L. Rosyjska wizja Europy Środkowej: tradycje i dzisiejsza perspektywa // Sensus Historiae. 2013. V. 13. № 4.

⁸ Горизонтов Л.Е. «Инородческий казус» 1910 года как проявление конфликта идентичностей в политической жизни Российской империи // Сценарии конфликтов на рубеже XIX–XX веков: политические – социальные – культурные. Австро-Венгерская и Российская империи. Wien, 2011. S. 183–196.

⁹ Он же. Смоленский рубеж в войне 1812 года и ментальные карты Российской империи // Studia internationalia: Материалы международной конференции «Западный регион России в международных отношениях XVII–XX вв.». Брянск, 2011. С. 34–40.

¹⁰ Он же. Крымская война как испытание России на имперскую прочность // The Crimean War 1853–1856. Colonial Skirmish or Rehearsal for World War? Empires, Nations, and Individuals. Warsaw, 2011. P. 191–216.

казаться племенной особенностью и национальной исключительностью, хотя бы даже по приемам и убеждениям малороссов, казаков всех наименований, сибиряков и т.п.»¹¹. Правда, в период обострения русско-польского противостояния украинофилы также могли использоваться в роли проводников имперской политики, но за пределами украинских земель.

Плодотворно сравнивать развитие белорусского и украинского национальных движений и разработанные ими программные установки. Если мы хотим избежать двойных стандартов в подходе к истории восточных славян, с одной стороны, и южных и западных славян, с другой, то концепт национального возрождения следует использовать также при изучении прошлого украинцев и белорусов, что, разумеется, вовсе не исключает обсуждения специфики восточнославянских сценариев нациестроительства.

Именно такая стратегия определила замысел проведенной в 2006 г. в Праге конференции историков Чехии и Белоруссии «Пути к национальному возрождению: белорусская и чешская модель»¹². Принимавший в ней участие известный исследователь истории национальных движений М. Грох произвел диахроническое сравнение фазы нарастающей национальной агитации у различных народов, в том числе белорусов. Учет украинского и белорусского опыта существенно обогащает теории формирования наций и национализма, в значительной степени разработанные на материале Центральной и Юго-Восточной Европы. Это касается таких феноменов, как народы с неполной этносоциальной структурой, разделенные нации, имперские нации, мультинациональные проекты и многослойные идентичности.

Следует изучать украинские аналоги литвинства, крайовства, западно-русизма, сыгравших важную роль в этнокультурном и этнополитическом развитии Белоруссии. В этом плане исключительно интересны случаи обретения поляками-«хохломанами» украинской идентичности, тем более что в их числе были видные историки В. Антонович и В. Липинский. Не менее важно определить историческое место малороссийской идентичности, до сих пор вызывающей полярные оценочные суждения.

Для советского периода важной плоскостью соотнесения становятся проводившиеся большевиками украинизация и белорусизация. Немало параллелей обнаруживается в судьбах Украины и Белоруссии во время мировых войн. Любопытную картину дает сравнение процессов периода перестройки и путей постсоциалистической трансформации¹³. Новая геополитическая ситуация породила проблемы восточнославянских диаспор — не только русских на Украине и в Белоруссии, но и украинцев и белорусов в России.

Весьма контрастный украинский и белорусский опыт политического развития на рубеже XX–XXI вв. является фактором взаимного влияния. Если «оранжевая революция» служит ориентиром для белорусской оппозиции, то широким слоям украинского общества близка идея социально ориентированного государства: популярность президента Беларуси на Украине

¹¹ Максимов С.В. Собрание сочинений. СПб., 1913. Т.19. С. 262.

¹² Cesty k národnímu obrození: běloruský a český model. Praha, 2006.

¹³ Долженков О.О. Україна – Білорусь: Досвід політичної трансформації. Одеса, 2003.

побуждала даже говорить о ее «белорусизации». Оба пути – украинский и белорусский, обсуждаются российским политическим классом в связи со сценариями развития России.

Интереснейшие сопоставления можно проводить, обратившись к конфессиональной сфере. В Новое время происходило изменение иерархии идентификаций, в том числе вероисповедная детерминанта уступала место национальной. При этом нации современного типа формировались как на моно-, так и поликонфессиональной основе. Все три восточнославянских народа консолидировались на базе в той или иной степени гетерогенной.

Помимо официального православия, у великороссов большое распространение получило преследуемое властями старообрядчество, причем раскольники издавна находили прибежище за «литовским рубежом» – на белорусских и украинских землях, где проживала паства греко-католической церкви. На украинских землях Российской империи церковную унию удалось ликвидировать легче, чем в Белоруссии, но в соседних владениях Габсбургов она просуществовала гораздо дольше. Для формирования белорусской нации принципиальное значение имело наличие большого числа белорусов, принадлежавших к лону римско-католической церкви. Уроженец украинских земель митрополит Литовский Иосиф Семашко сравнивал «энергическое малороссийское племя» с белорусским с точки зрения отношения к вере и церкви¹⁴. Украинское население оказалось восприимчивым к сектантству. После указа о веротерпимости 1905 г. по западным окраинам России прокатилась волна обращений в католицизм, вызвавшая в правящих кругах настоящее смятение.

Следует учитывать то обстоятельство, что строители наций, стремясь распространить национальную идею в социальных низах, были вынуждены связывать ее с близкой массам апелляцией к религии. У истоков украинской национально-политической мысли в середине XIX в. находим не только славянско-федералистскую, но и религиозную утопию. И много позднее Грушевский не видел перспектив у индифферентного к вопросам веры национализма. Имперские власти в своих интересах также стремились устанавливать прямое соответствие между этнической и конфессиональной принадлежностью подданных.

Связь между национальной идентичностью и вероисповедными тяготениями ощутима и в постсоветский период, когда наблюдаются рост религиозности населения и усиление общественной активности церкви. В Белоруссии попытки возродить в качестве национальной греко-католическую церковь успеха не имели. Глубокие исторические корни у сложнейшей современной религиозной ситуации на Украине.

Типология станет гораздо содержательнее и адекватнее историческим реалиям, если работать не только с абстрактно-усредненными украинской и белорусской моделями, но также с региональными вариациями каждой из них. По сложности своей региональной структуры Украина ближе к России, чем к достаточно компактной Белоруссии, взаимодействие ее регионов нередко приобретает конфронтационный характер, что находит отражение

¹⁴ Записки Иосифа, митрополита Литовского. СПб., 1883. Т. 1. С. 50; Т. 2. С. 226–227.

в неодинаковом восприятии прошлого¹⁵. Однако было бы упрощением считать Белоруссию сугубо гомогенным пространством. Для ментальных карт ее жителей также немалое значение имеют представления о Западе и Востоке страны. Существуют и более мелкие нюансы, благодаря которым не смешиваются, скажем, Брестская и Гродненская области, подобно тому, как в западной части Украины не образуют единства расположенные рядом Галичина, Буковина и Закарпатье.

Региональная специфика формировалась в периоды расчленения как украинских, так и белорусских земель соседними государствами: сначала Россией, Речью Посполитой и империей Габсбургов, а затем СССР, Польшей, Чехословакией, Венгрией и Румынией. Восточная Белоруссия своим своеобразием в немалой степени обязана времени после первого раздела Речи Посполитой, когда часть белорусских земель стала недоступной для целенаправленной полонизации, проводившейся в последние десятилетия существования польско-литовского государства. Нечто подобное происходило и с Украиной, разделенной днепровским рубежом между Россией и Речью Посполитой. Украине (*Rus'*) и исторической Литве принадлежит различное место в контексте польской истории, в частности, перипетиях польского национального движения. Наследием прошлого в Западной Белоруссии являются белорусы-католики и протянувшийся вдоль белорусско-литовской границы этнически польский пояс¹⁶. Каждому региону присущ неповторимый симбиоз различных этнокультурных стихий. В региональном измерении, в частности, можно выстраивать типологию славяно-еврейских отношений. Волна погромов начала 1880-х гг. прокатилась по украинским землям, практически не затронув белорусские. Регионы Украины и Белоруссии можно сравнивать, исходя из зонированности русско-польского фронта¹⁷.

Наиболее сложным оказался процесс складывания соборной Украины. Однако и в белорусском случае геополитическая проекция национальной идеи вступала в противоречие с представлениями соседей об их собственных идеальных отечествах¹⁸. Достаточно поздно в качестве украинской земли национальные активисты стали рассматривать Северное Причерноморье (Новороссию). Поздно сложились представления о границах белорусской этнической территории.

¹⁵ Форум «Регіональні ідентичності в сучасній Україні та методи їх вивчення» // Україна Модерна. Спеціальний випуск: Львів – Донецьк: соціальні ідентичності в сучасній Україні. Київ; Львів, 2007.

¹⁶ Донских С.В. «Polski pas» как пример трансформации культурного центра в пограничье // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси. Материалы III Международной научной конференции. Гродно, 2005. С. 45–63; Dylągowa H. Koniec Rzeczypospolitej. Granica wschodnia w świadomości Polaków XIX i XX wieku. Kilka refleksji historycznych // Przegląd Wschodni. Historia i współczesność Polaków na Wschodzie. 1992/93. Т. II. Zeszyt 4. S. 915–919.

¹⁷ Горизонтов Л.Е. Русско-польское противостояние XIX – начала XX в. в геополитическом измерении // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2006. Вып. 2: География и политика. С. 9–31.

¹⁸ Он же. Национальные идеи и их геополитические проекции (Восточная, Центральная и Юго-Восточная Европа) // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 544–553.

Региональная специфика проявляется также в отношении к идее Европы, цивилизационной (макрорегиональной) идентификации. Западная Украина позиционирует себя в качестве части Центральной Европы, отвергая принадлежность к Европе Восточной или даже Центрально-Восточной, подобно тому, как это делает, дистанцируясь от Балкан, постгабсбургская и постюгославская Словения¹⁹.

Системный подход не только обязывает учитывать взаимодействие соседних этносов, он побуждает рассматривать их в общеславянском и имперском измерениях, в которых осуществлялся транзит людей, идей и институтов. Славянская идея сыграла немалую, хотя и не равнозначную, роль в этнической истории украинцев и белорусов. Лишь предвзятые исследователи представляют ее неизменно враждебной формированию отдельных наций. Выполняя «зонтичную» функцию, эта идея не только поддерживала славян в их противостоянии неславянским стихиям, но и в известной степени амортизировала межславянские противоречия, давала, в частности, надежду на гармонизацию отношений путем претворения в жизнь федералистской модели. Новый импульс к развитию идея славянской взаимности получала в условиях военных столкновений и жестких вызовов глобализации. Общеславянский проект не являлся исключением в славянском мире, принадлежа к типологическому ряду полиэтнических (мультиславянских) интеграционных сценариев. Речь идет как о конкурировавших с ним польских устремлениях, так и о прочих вариантах консолидации южных и западных славян.

Говоря о неравномерности этнополитического развития Украины и Белоруссии, необходимо помнить о том, что гипертрофированная этничность не является абсолютной ценностью и имеет позитивную альтернативу в виде утверждения в межнациональной коммуникации принципов толерантности. Ошибочно рассматривать Новую историю исключительно сквозь призму национального возрождения. Права украинская исследовательница В. Шандра, писавшая о невозможности изучения прошлого Украины без учета реалий имперской государственности или руководствуясь «крикливым» антирусским восприятием последней²⁰.

Многие аспекты очерченной нами проблематики стали предметом обсуждения на «круглых столах», проведенных отделом восточного славянства Института славяноведения РАН в 2001–2003 гг. с участием трех десятков российских ученых, работающих в нескольких областях гуманитарного знания (история, культурология, лингвистика), специалистов различного страноведческого профиля, представителей академической и вузовской науки. На этих встречах был рассмотрен огромный временной отрезок с XVII в. по канун Второй мировой войны²¹. Проблематика этнокультурно-

¹⁹ Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / Л.Е. Горизонтов. М., 2005. Вводная статья к книге: Горизонтов Л.Е. Украина в зеркале регионалистики.

²⁰ Український гуманітарний огляд. Київ, 2002. Вип. 8. С.160; Горизонтов Л.Е. Славянские народы и империи в долгом XIX веке. Размышления о векторах исследований // Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы всероссийского совещания. М., 2005. С. 115–129.

²¹ На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотношения / Л.Е. Горизонтов. М., 2004. Вводная статья к книге: Горизонтов Л.Е. Исторические пути и перепутья восточных славян глазами российских ученых.

го взаимодействия восточных славян в XVII–XVIII вв. была предложена российскими учеными для тематического блока в рамках международного съезда славистов в Любляне (2003 г.). По инициативе украинских коллег в программу следующего съезда славистов (Охрид, 2008 г.) был включен тематический блок «Славянская идея в XIX–XX веках: интеллектуальные поиски и политическое конструирование»²².

В последние два десятилетия произошел качественный сдвиг в познании исторических судеб Украины и Белоруссии, создавший серьезную основу для их сравнительного изучения. Прежде всего это является следствием развития двух национальных историографий. Существенно вырос интерес к украинской и белорусской истории в мире. Идет процесс становления украинистики и белорусоведения в России, где прошлое Украины и Белоруссии изучается как историками-славистами, так и специалистами по отечественной и всеобщей истории. Разграничение названных групп ученых делается все более условным, что не снимает остроты проблемы, связанной с необходимостью координации исследовательской работы.

Стоит отметить особую роль славистов, которые, традиционно выполняя роль соединительного звена между отечествоведами и всеобщниками, наиболее подготовлены, в том числе в языковом плане, к изучению Украины и Белоруссии. Располагая кадрами этно- и социолингвистов, культурологов и литературоведов, славяноведение обеспечивает также необходимый междисциплинарный синтез. Важно включение украинского и белорусского материала в общую типологию развития славянских народов и их неславянских соседей в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Помимо конкретно-исторических параллелей, продуктивны украинско-белорусские историографические соотнесения, способствующие пониманию современного состояния науки в двух странах и возможностей международной кооперации ученых²³. Историко-научная проблематика, вызывающая большой интерес украинских и белорусских коллег, а также специалистов из «дальнего» зарубежья, заняла видное место в российских украинистке и белорусоведении. Это обусловлено потребностью знать корни современных, нередко взаимно конфронтационных, интерпретаций прошлого. Дефицит достоверной научной информации открывает простор для недобросовестных экспертов, предвзято судящих о целых национальных историографиях. Транслируемые таким образом этноисториографические стереотипы искажают действительное положение вещей и крайне затрудняют международный диалог историков.

Историко-научная проблематика требует самого широкого международного обсуждения. Прецедентов подобного рода достаточно много. Еще в 2004 г. именно в таком формате прошла конференция «Государственная самостоятельность Украины и Белоруссии и основные тенденции освещения прошлого восточного славянства мировой наукой», организованная Инсти-

²² 13. Mednarodni slavistični kongres. Zbornik povzetkov. 2.del. Ljubljana, 2003; XIV меѓународен конгрес на слависти. Зборник на резимеа. Скопје, 2008. Т. 2.

²³ Горизонтов Л.Е. К типологии историографических ситуаций на постсоветском пространстве (Украина и Белоруссия) // Гуманитарные чтения РГГУ – 2009. Россияведение. Общественные функции гуманитарных и социальных наук. М., 2010. С. 257–268.

тутом славяноведения РАН и Российским государственным гуманитарным университетом²⁴. Институт истории Украины НАНУ провел в 2005 г. конференцию «Образ другого в соседних историографиях: мифы, стереотипы, научные интерпретации»²⁵.

Глубоко символично, что у истоков украинской и белорусской историографических традиций стояли М. Грушевский и М. Довнар-Запольский – воспитанники одного учителя, профессора Университета св. Владимира в Киеве В. Антоновича. Сопоставление судеб основоположников двух восточнославянских историографий в дореволюционный и советский периоды способно принести интересные результаты. Весьма показательно, что в процессе исследования русско-белорусской историко-научной проблематики постоянно возникают украинские аспекты²⁶. Долгое время подавляющее большинство украинских и белорусских историков работало в жестких рамках, задаваемых советским режимом. Меньшинство в диссидентском самиздате и в эмиграции разрабатывало альтернативные версии прошлого. Лишь комплексный анализ нормативной и альтернативной историографий дает возможность взвешенно оценить стартовые возможности украинской и белорусской исторической науки после распада СССР.

Неодинаковый стартовый потенциал и несовпадение моделей постсоветских трансформаций определили индивидуальные алгоритмы развития украинской и белорусской историографий на современном этапе²⁷. Среди белорусских историков есть сторонники «национализации истории» по украинскому лекалу. В среде украинских историков звучат голоса критиков тотальной «национализации», которые стремятся сформировать новое видение прошлого, отличное как от советской версии, так и от ставшей нормативной в постсоветский период. При этом не без основания отмечается взаимосвязь советского и постсоветского историографических дискурсов. Значимы различия в проведении исторической политики, внимание к которой в последнее время существенно возросло²⁸. По-разному в постсоветских государствах складывается судьба славяноведения²⁹.

²⁴ Государственная самостоятельность Украины и Белоруссии и основные тенденции освещения прошлого восточного славянства мировой наукой // www.vostslavia.yandex.ru. См. также: *Горизонтов Л.Е.* Постсоветские нарративы национальных историй и общего прошлого восточных славян (Украина, Белоруссия, Россия) // *История России. XX–XXI века. Программы спецкурсов*. М., 2006. С. 259–266.

²⁵ *Образ іншого в сусідніх історіографіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації*. Київ, 2007. См. также: *Горизонтов Л.Е.* Историческое сознание и национальная идентификация в постсоветских Украине и Белоруссии. Тезисы к постановке проблемы // *Национальное самосознание славянских народов в современном мире*. М., 2004. С. 31–39.

²⁶ *Горизонтов Л.Е.* Традиции белорусоведения. Российско-белорусский проект по истории науки // *Славяноведение*. 2006. № 5. С. 116–122.

²⁷ *Лінднэр Р.* Гісторыкі і ўлада. Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. Мінск, 2003.

²⁸ *Историческая политика в XXI веке*. М., 2012.

²⁹ *Горизонтов Л.Е., Робинсон М.А.* Славяноведение в восточнославянских странах перед вызовами современности. Информация о научном проекте // *Славяноведение*. 2007. № 4. С. 130–135.

Отмечая внутреннюю неоднородность современной украинской и белорусской исторической науки, неправильным было бы представлять сложившуюся в них ситуацию как сугубо конфронтационную, исключаящую всякий синтез и диалог³⁰. Опыт показывает, что изучение украинско-белорусской проблематики весьма часто требует учета русского (российского) фактора. Есть основания полагать, что международное сотрудничество историков способно послужить фактором оздоровления обстановки в отдельных «национальных квартирах». Расширяя исторический контекст, компаративный подход может внести свой вклад в преодоление этноцентризма. Украинско-белорусские параллели, опирающиеся на конкретно-исторический материал, являются важным инструментом познания прошлого двух народов. В настоящей статье, разумеется, лишь частично охарактеризованы тематический спектр и познавательный потенциал этих соотнесений.

³⁰ Горизонтов Л.Е. Переосмысление истории белорусского и украинского национализма // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2011. С. 16–18; *Он же*. Западнорусизм в мире идентичностей межславянского пограничья. Историографические наблюдения // Славянский мир: в поисках идентичности. (Историки-слависты МГУ. Кн. 8). М., 2011. С. 930–939; *Он же*. Оценки западнорусизма в историографии: судьба традиции эпохи советской белорусизации // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры. Минск, 2012. С. 631–635.